

DOI 10.25991/VRHGA.2022.3.2.016

УДК 93/94

*А. М. Жукова**

ОБРАЗ ГОЛЛАНДИИ НА СТРАНИЦАХ РУССКОЙ ПЕРИОДИКИ 1800–1830-Х ГГ.

В статье освещается комплекс материалов журнальной периодики первой трети XIX в., которые могут послужить источниками для изучения русско-голландских социокультурных связей. Выявлены и рассмотрены публикации, размещенные как в «знаменитых» журналах («Вестник Европы», «Сын Отечества», «Московский телеграф», «Библиотека для чтения»), так и в менее востребованных исследователями изданиях («Благонамеренный», «Северный вестник», «Невский зритель» и др.).

Ключевые слова: образ Голландии; имагология; русская периодика XIX в.

A. M. Zhukova

THE IMAGE OF HOLLAND

ON THE PAGES OF RUSSIAN PERIODICALS OF THE 1800–1830s

The article highlights a complex of materials of journal periodicals of the first third of the XIX century, which can serve as sources for the study of Russian-Dutch socio-cultural communication. The publications released both in “famous” journals (“Vestnik Evropy”, “Syn Otechestva”, “Moscowskij telegraf”, “Biblioteka dlja chtenija”) and in less in demand by researchers (“Bлагоnamerennyj”, “Severnyj vestnik”, “Nevskij zritel”, etc.) were identified and reviewed.

Keywords: the image of Holland, imagology, Russian periodicals of the XIX century.

История русско-голландских отношений тесно связана с именем Петра I и частично являет собой один из эпизодов, вплетающихся в мифическую канву его образа. Несмотря на кажущуюся неординарность установившейся культурной связи, Голландия длительное время не привлекала должного внимания к себе, оставшись в общественном сознании лишь предметом грез Петра Великого. Взаимодействие Голландии с Россией в первой трети XIX в.

* Жукова Анастасия Михайловна, студент, СПбГУ (Институт истории); st087295@student.spbu.ru

ознаменовалось в первую очередь наполеоновскими войнами и браком Виллема Оранского с вел. кн. Анной Павловной. Культурный же диалог, в сравнении с аналогичными взаимовлияниями России и других европейских стран, на первый взгляд кажется минимальным. На фоне редких изданий, посвященных ей на протяжении всего XIX в., проливает свет на забытую Голландию журнальная публицистика, которая знакомит читателя с путешествиями русских людей и их восприятием социокультурного облика страны, а благодаря деятельности П. А. Корсакова — и с нидерландской литературой.

В отечественной историографии с позиций имагологии внимание исследователей было сосредоточено преимущественно на таких странах, как Франция, Англия, США, в то время как образу Голландии внимания не уделялось. Как правило, она рассматривалась лишь в контексте деятельности Петра I в Великом посольстве 1697–1698 гг. и исторической памяти об этом событии; изучалась отечественная историография Нидерландов, деятельность самих голландцев в России в XVIII–XX вв., книжные связи в XV–XX вв.; проявлялся интерес к голландской духовной поэзии и проблемам перевода, к религиозному диалогу в целом и в частности — к участию в этом процессе вел. кн. Анны Павловны [1; 17; 25; 27; 39; 64; 72; 77]. В 2003 г. вышел сборник статей «Нидерланды и Северная Россия» [42], в 2013 г. был организован международный проект, приуроченный к перекрестному году России и Нидерландов и посвященный русско-голландским связям середины XVI — первой трети XIX вв., однако отношения России и Нидерландов в XIX в. изучались лишь применительно к эпохе наполеоновских войн и через призму династических связей [65]. Проведенные в этой связи конференции рассматривали главным образом конкретные примеры из жизни и деятельности инкорпорировавшихся в российское или советское общество голландцев [16]. В свою очередь, в Нидерландах в издательстве «Верелдбиблиотек» (Wereldbibliotheek) вышла книга «Голландия глазами русских», представляющая собой сборник рассказов и эссе о российских стереотипах в отношении нее [75].

В массовом историческом сознании Голландия ассоциировалась прежде всего с именем Петра Великого. На страницах ряда журналов первой трети XIX в. публиковались материалы, отражающие его деятельность в рамках Великого посольства 1697–1698 гг., а также повествующие о зарождении русско-голландских отношений при его предшественниках [9; 22; 28; 29; 56; 57; 58]. Голландский период жизни Петра I вызывал интерес у читателей, подчеркивалась символическая связь с прообразом Петербурга:

Многие события [речь об: История Петра Великого, Отца отечества, для детей, изданная Владимиром Строевым] рассказаны поверхностно: все любопытные подробности, которые так близки к Русскому сердцу, к сожалению, опущены. Возьмем для примера пребывание Петра в Голландии. О Саардамской жизни Царя-работника — одна только страничка [66, с. 370].

В свою очередь, Я. И. Сабуров писал о сохраняющейся любви голландцев к Петру I: «он живет в памяти народа» [68, с. 547].

Одним из первых оригинальных сочинений, транслирующих личные суждения о Голландии, является статья некоего Г. Стриковского, отражающая

сакральный характер памяти русских путешественников о Петре в этих краях, средоточием которой становится Сардам: «Единственной целью моего туда приезда было то, чтоб видеть сие святилище славы его» [12, с. 120].

В Голландии местечко есть Сардам,
Иль Саандам, зовите как угодно;
Там угол есть, знакомый Русским — нам,
Он дорог... есть о нем предание народно...
Слыхали ль вы, что в старь бывало там?
Я расскажу... [76, с. 91].

«Первым долгом почел я съездить тотчас в Сардам, поклониться развалинам, которые служили жилищем Великому из Монархов Петру Первому» [69, с. 105]. Посещали Сардам Н. А. Бестужев [7, с. 275–281], П. П. Свиньин [69, с. 105–110, 141], Я. И. Сабуров [68, с. 545–548], А. В. Тимофеев [73, с. 32–33] и другие [67, с. 171–176]. Опубликованные в журналах записки и воспоминания о посещении «сакрального» места дают ценную информацию по малоизученному вопросу об истории домика Петра Великого в этих краях (в научно-популярных источниках (энциклопедиях) встречаются лишь упоминания о нем; малочисленны и научные статьи, посвященные этой теме [10; 27]). Так, журнальные публикации демонстрируют возмущение русского человека неточностью перевода одной символической голландской надписи в этом домике [7, с. 276–277; 67, с. 174], о более приемлемом варианте которой сообщает А. П. Мещерский: «Нет ничего малого для великого человека» [37, с. 73].

Представления о грядущих путешествиях по Европе обыкновенно не включали Голландию: «Романическая Германия, Франция — средоточие вкуса и всех удовольствий, гордые, свободные Британцы и ты благословенная Италия! — я увижу вас! — Да, мой друг, я объеду всю Европу, побываю везде...» [21, с. 271]. Поэтому, не выезжая из Петербурга, можно было знать только, что «Лондон выстроен на Темзе; в Вене колокольня Св. Стефания очень высока; что в Швейцарии много гор, а в Голландии их нет» [34, с. 302]. В этой связи примечательны слова Н. А. Бестужева, автора занимательных записок о Голландии [48, с. 152], не только о ее туманных берегах, но и о туманных представлениях о ней самой:

Здесь ожидание мое было обмануто вторично: вместо топких болот, вместо городов, висящих на сваях над морем, как я заключал из неясных описаний Голландии, — увидел море, висящее над землею, увидел корабли, плавающие выше домов, и, вместо болот, возделанные поля, тучные пажити, чистые и красивые городки, прекрасных мужчин, прекрасных женщин [7, с. 34–35].

Редакцией «Сына Отечества» подчеркивалась ценность «Записок о Голландии 1815 года» Н. А. Бестужева на фоне малочисленных материалов о сей «достопамятной стране Европы», в которой было немного наблюдательных русских людей, а ведь чтение воспоминаний русского офицера «гораздо для нас яснее, приятнее и поучительнее, нежели странствования иностранцев: они смотрят на чужие земли Русскими глазами» [44, с. 86]. Схожим образом была встречена и книга Я. И. Сабурова: «Голландия, столь любопытная для нас

по воспоминаниям о Петре и по своей высокой образованности, еще не была до сих пор описана ни одним Русским» [68, с. 255].

В качестве иллюстрации ментальной карты Европы может послужить фрагмент из переводной статьи «Путешествия» (из журнала *Aristarque, journal littéraire de Bruxelles*), рассказывающий о первостепенных занятиях туристов: француз посещает художников, балы, спектакли, англичанин — библиотеки и музеи, немец — ученых и двор; итальянец посвящает себя развлечениям и влюбленным, испанец — изучению нравов и законов; голландец же «идет на биржу, подробно расспрашивает о денежном и вексельном курсе, а в остальное время спокойно курит табак и пьет пиво» [63, с. 120–121]. Всячески подчеркивается осведомленность русского человека именно о материальной стороне жизни этого народа, для которого биржа являлась истинным «Палладиумом» [68, с. 532]: «Торговля и расчеты, с положительными выгодами, единственное занятие флегматических Голландцев, и они не постигают других наслаждений» [там же, с. 531], «земля плотин и сыров, земля каналов и сельдей» [55, с. 153]. Поверхностные представления бытовали и в зарубежной беллетристике 1830-х гг.: «...каким образом ты, всегда веселый, такой любитель парижских удовольствий, попал сюда, к неповоротливым, угрюмым голландцам, в атмосферу дегтя, табаку и копченой рыбы?» [6, с. 7]. Несколько «очеловечивает» их флегматичный и приземленный образ «характеристическая черта Голландцев страсть к конькам» [68, с. 538] («каналы покрыты тогда народом, летающим на коньках» [69, с. 148]) и знаменитая любовь к тюльпанам: «Известно, что Голландцы вообще страстные охотники до цветов» [71, с. 52], — и это единственная роскошь, которую позволил себе столь бережливый и трудолюбивый народ (притом весьма оригинальная) [68, с. 532]; с их нежностью по отношению к этим цветам сравнивается воспитание детей [60, с. 292]; эта непривычно наивная сторона их характера встречала добродушное снисхождение: «Счастливые Голландцы!» [15, с. 65].

Среди характерных национальных черт, таких как немецкая флегма, английский сплин, «итальянское безмыслие», «славянская беспечность», «испанский фанатизм» [40, с. 202], за голландцами признавались расчетливость и опрятность (последняя всячески подчеркивалась [18, с. 54; 52, с. 124] и была в глазах иностранцев анекдотична [15, с. 64]). Столь же анекдотична и их принципиальная мелочность: «Вы подумаете, может быть, что чай, который они пробуют — ханской, цветочный, разных сортов? — Нет: вся эта мелочная внимательность для одного только простого чая», — таким образом, на бирже голландец столь же серьезен, как в Государственном совете [7, с. 59].

Среди других основных качеств голландского национального характера обыкновенно называли хладнокровие, терпеливость, неповоротливость (бытует мнение, ввиду сырого воздуха, которым они дышат [69, с. 103]), некоторую тщеславность («голландцы столько тщеславятся участием 18-ти тысяч своего войска в сражении при Ватерлоо, что едва не называют себя избавителями Европы» [7, с. 207–208]). С англичанами и американцами их сближает трудолюбие («трудолюбивые Голландцы, невзирая на притеснения их мачехи-природы» [там же, с. 209]), бережливость и в особенности просвещение, что и объясняет их «безмерные успехи» [61, с. 161]. Если верить голландцам, читаем в перево-

дной статье «О Голландцах в отношении любви к отечеству», их национальный характер являет собой прекрасное сочетание гражданственности швейцарцев, морского искусства генуэзцев, «старания Венециан о сохранении своей славы, тайны Римского Сената, склонности Карфагена к торговле, привязанности Греков к отечеству», а отсутствие английской прозорливости, итальянской живости и французской светскости они компенсируют «умом основательным, прозорливым и здоровым» [46, с. 47–48]. Прекрасную иллюстрацию голландского характера во всей его непосредственности предлагает опубликованная в журнале «Московский телеграф» переводная статья «Картина Голландии». Перед взором читателя предстает голландец, который «не знает сплина, ибо слишком нечувствителен и слишком занят», сидящий в лодке, и «кажется, ничто в свете не расстроит важного вида, с которым курит он свою трубку, сосредотачивая в ней все свои наслаждения; пусть молния изломает в это мгновение трубку его — важный куритель, столь же твердый, как и праведный муж у Горация, при виде смерти, не изменяясь, выпустит последний глоток табачного дыма» [26, с. 210].

Амстердам как воплощение голландской самобытности, в отличие от Лондона и Парижа, становившихся нередко предметом аллегорических изысканий как русскоязычной, так и зарубежной публицистики (например, сравнение Парижа с Астаротом [5, с. 144], Лондона со статуей, «виденной во сне Навуходоносором — у которой голова была из золота, а ноги из глины» [23, с. 29] и др.), не имел сопутствующих ему образов и метафорических выражений. В качестве одного из немногих красочных примеров можно упомянуть сравнение Амстердама (с его странной наружностью, однако и однообразной) с картиной Ван дер Вейдена [68, с. 526]. А. В. Тимофеев в 1835 г. писал о том, что «надобно несколько привыкнуть к этому городу, чтобы сказать что-нибудь в его пользу. Сначала он покажется вам более мертвою тюрьмою, нежели живым, торговым городом» [73, с. 23]. Н. А. Корсаков в 1839 г. и Н. И. Греч в 1843 г. также находили его неприятным (нечистым), мрачным и угрюмым [19, с. 74; 30, с. 25], А. П. Мещерский же в 1838 г. восхищался «живописным видом города, где все строения сохранили отпечаток вкуса оригинального» [37, с. 17].

В вопросе об оригинальности и социокультурном облике Амстердама как столицы Голландии в целом имеет значение статья «Амстердамские театры». Начиная свое рассуждение с мысли о том, что внутренние города отличаются более резким отпечатком народности, чем приморские (в качестве примеров истинно самобытных городов приводятся Москва, Париж, Рим, Лондон, который, несмотря на приморское положение, «никогда не станет под иностранную шапку», Мадрид; Петербург, Кадис и Лиссабон являют собой «смесь народностей»), автор видит в Амстердаме «еще более чуждых начал: здесь явно заметен недостаток голландской народности, по местоположению, природе и событиям края», дух столицы вообще германский (поскольку большая часть иностранцев — это немцы и англичане).

Смешанное народонаселение, необъятная торговая жизнь, обширное мореплавание, вот причины этого пестрого, беспокойного, разговорчивого быта, который доставляет посетителю рассеяния и наслаждения всякого

рода. Но с другой стороны в этом движении и шуме гибнет нравственность: спокойствие, мир, счастье, нередко изгоняются из недр семейств.

В Амстердаме «степенная Голландия шумит и суетится как угорелая» [3, с. 14–15].

Среди других городов большой известностью пользовались Роттердам («второй по Амстердаме торговлею, считается самым красивым во всей Голландии» [7, с. 51]); Гаага, этот тусклый «эстамп с картины Фламандской школы, вставленный в красивые рамы» [там же, с. 222]; Гарлем (Харлем), который известен всем любителям естественной истории, этот «отец распространения наук в Европе» [там же, с. 224]; Делфт, славящийся «белым хлебом — и действительно — я нигде и никогда не едал лучшего» [там же, с. 212], и Брюгге, «старомодный Фламандский город», пустой ныне, как «в наше время кошелек Ирландца» [54, с. 221]. Н. А. Бестужев восторженно отзывался об исторических богатствах голландской земли:

Нет земли, столь обильной происшествиями историческими, характерностью народа и достойными внимания путешественников предметами, как Голландия. Каждый уголок действовал и оставил по себе или разительные черты для воспоминаний, или памятники наук и художеств. То и другое приятно; первое, действуя на воображение наше, заставляет благоговеть к последнему [7, с. 223].

Помимо городов, привлекал внимание образ некой деревушки Брок (вероятно, подразумевается Broek in Waterland в провинции Северная Голландия), на пути к Зандаму [37, с. 60]. Например, в повести с красноречивым названием «Голландская скука» она является местом повествования:

Часто слыхала она рассказы о красоте Голландии, об очаровании садов Гарлема, Роттердама, об увеселительных загородных домах в окрестностях Утрехта, о величественном виде Амстердама; но она не знала, что в недавнем расстоянии от этого города существует деревня, единственная в своем роде, — уединенная, окруженная водою, где имеют право обитать одни ее уроженцы, наблюдающие самые странные обычаи, которые наносят грусть и уныние тем, кто не приучен к ним с детства. Иностранец, один раз удовлетворив своему любопытству, спешит навсегда оставить безжизненный, единообразный Брок [35, с. 77].

Унылый Брок становится последним пристанищем главной героини Люсиллии, которая стремительно угасает в этих землях от чахотки. Под именем Брук, вероятно, упоминается он же и в анонимном рассказе «русского странствования»:

«Зачем мы едем в Брук?» — спросил я моего наемного слугу. «Иностранцы обыкновенно посещают сию деревню, — отвечал он: она почитается прекраснейшею деревнею в свете». Под именем прекраснейшей деревни разумел я обширное селение, с высокими домами, прямыми улицами; словом, думал найти небольшой городок под скромным названием деревни. Я ехал почти против воли; но сколь много ошибся в моем заключении. Увидев Брук, скажу теперь: «трудно и даже невозможно определить, какой город прекраснее всех в свете: каждый имеет свои

красоты и выгоды, свои недостатки и неудобства. Но всякой без прекословия согласится, что Брук есть прекраснейшая деревня в свете!» [67, с. 167].

Автор отмечает существующий в Бруке «особый род общественной гордости, которая составляет из сего местечка некоторым образом особенную республику», основанием которому служит принципиальность по отношению к честному слову, которое для них священнее всякой клятвы [там же, с. 169]. Именно о жителях деревни Брук как о жителях Северной Голландии, «настоящем арсенале всех старинных привычек, — опрятности и причудливости Китайской», шла анекдотичная история на страницах «Библиотеки для чтения» [15, с. 64]. А. П. Мещерский отмечал, что многие путешественники, пересказывая странности жителей этой деревни, старались таким образом сделать «добрых Голландцев известными в Европе» [37, с. 60]. Он также подробно рассказывает о жителях этой деревни и их нелюдимости, о внутреннем строении и убранстве домов. В сравнении с Саардамом, имеющим «вид оригинальный и милый», представляющим собой «что-то необыкновенно привлекательное», Брок выделяется пестротой своего облика, напоминающего красивую, но смешную игрушку [там же, с. 61–64, 70].

Впечатления о Голландии были различными. П. П. Свиный сравнивал ее с «регулярным фруктовым садом»: «Едешь беспрестанно по прямым аллеям. Это однообразие противно природе, не действует на воображение и скоро теряет свою приятность» [69, с. 102–103]. Схожим образом описывал ее и А. П. Мещерский спустя тридцать лет: «Вся Голландия не что иное, как парк опрятного и прихотливого владельца!» [37, с. 191]. Путешествовавший в 1816 г. «русский странствователь» был разочарован унылым обликом Голландии, увиденным им после прекрасного вида Англии, сравнение Голландии с которой проходит красной нитью через его воспоминания:

Вообще Голландия так мало похожа на Англию, что мне казалось, будто я волшебством перенесен в другую отдаленную часть Света. И вид земли, и люди, и строения, и обычаи — все здесь иное. Мне кажется, что Голландия менее других земель имеет сходства с остальной частью Европы, и потому более заслуживает любопытства [67, с. 161].

Лишь вид Бриля примирил его с Голландией, а облик Роттердама произвел «невольное чувство удивления», напомнив о той величественной борьбе «со сланных роком в сию отдаленную и печальную страну» бедных людей с природой, и заставил даже любить Голландию [там же, с. 116, 162–164]. В Голландии, одной из многолюднейших и богатейших европейских стран (несмотря на то, что, по словам одного писателя, «все четыре стихии никуда не годятся в стране сей»), он нашел то, что ему не удавалось встретить в других странах Европы:

Где, например, может путешественник встретить, из расстояния 10 немецких миль, или 70 верст, шесть прекрасных и многолюдных городов, подобных Роттердаму, Делфту, Гааге, Лейдену, Харлему, Амстердаму? Вид сих городов поражал меня всякий раз удивлением, когда я сравнивал великолепие оных с бедностью и печальным видом природы. Нельзя не почитать народа, одолевшего столь сильные затруднения, и единственно удивительным терпением, трудолюбием

и мудрою бережливостью вознесшего себя на столь высокую степень благосостояния [там же, с. 176–177].

Особое место на страницах воспоминаний и заметок о путешествии в Голландию занимает восхищение их национальным характером, история которого связана со столь величественными по силе духа событиями: «Голландцы, теснимые сильными, воинственными врагами, ушли от них в болото: сохраняя независимость, предпочли сражаться с Океаном. Вот первое зерно их любви к свободе, которое развилось столь прекрасным деревом» [68, с. 530]. «Здесь-то, согнанные с лица земли, Голландцы показали свету, к чему способно человечество и до какой степени может вознестись дух людей свободных», — пишет Н. А. Бестужев [7, с. 48]. Он подробно рассматривает путь становления национального характера голландцев от «важного переворота, основавшего свободу Голландцев» до времени «французского ига», о нынешнем состоянии Голландии с точки зрения ее самобытного социокультурного развития пишет с разочарованием и грустью:

Где же та Голландия, владычествовавшая во всех странах света? — Где ее флоты, покрывавшие океаны? — Где Рюйтеры и Тромпы, вознесшие ее славу? — Где банки, в кои скоплялось золото всего света? — Где важные республиканцы, гордо принимавшие послов чужеземных? — Где сии Магистры, бравшие участие в делах других народов, где их величие, где их слава? — Исчезло все, подобно цветущему здоровью юноши, вовлеченному в томительную болезнь, низведшую его на край гроба. Теперь Голландские флоты развозят сыр; Рюйтеры и Тромпы почивают спокойно в их гробницах; неблагодарное золото возвышает чуждую славу; Голландцы принимают у себя фигляров на ярмарках и с важностью говорят о доброте полученной партии табаку; а в делах Европы берут участие — только по газетам. Однако Голландцы питают еще любовь к своему отечеству; любят нового своего Государя; кипят духом при вестях о славных подвигах; они набожны; они энтузиасты; — но потому только, что чувства сии ничего им не стоят. Чудно! — Они ненавидят Французов и любят Англичан; а за приобретение сих чувствований заплатили всем своим благосостоянием [там же, с. 281–283].

О перемене народного характера сообщал непосредственно в личной переписке и А. И. Тургенев: «кто бы подумал прежде, что из постоянных Голландцев, с правом гордившихся своею свободою, большая часть превратилась в самых пустых людей, гордящихся золотыми мундирами, ленточками и т. п.» [4, с. 395].

Значительное место в размышлениях о Голландии на страницах русской печати занимал вопрос об упадке знаменитой голландской торговли: «Никакой народ не совершил поприща более блистательного; и нет летописей, в коих яснее и полнее можно было бы изучать, каким образом народы цветут и возвышаются и что может колебать основания их благоденствия» [62, с. 159–160]. Тематические статьи публиковались на протяжении первой трети XIX в. и были преимущественно переводными [13; 45; 62]. Несмотря на объективный упадок торговли, «Голландия почитается еще богатейшею страню Европы» [62, с. 349–350]. Экономическое состояние Голландии после «французского ига», во время которого «Франция обманывала и терзала сию землю, а наконец совершенно ее поработила» [24, с. 107] (на страницах журнала «Сын отечества»

были также опубликованы записки А. Я. Дубянского о Голландской экспедиции 1799 г. [20]), оценивалось неоднозначно [7, с. 55; 24, с. 113; 59, с. 105; 69, с. 103]. Так или иначе, она нередко привлекалась в качестве примера благоустроенного общества, лишённого язвы нищенства, зла [14, с. 36]. Так, нищим в Голландии строго запрещалось просить милостыню на улицах, и, стремясь избавиться от возможности превращения этой практики в «постыдное ремесло», которое, «к стыду века и учреждений, опозоривает многие столицы Европы», просвещённые голландцы устраивали в своих городах рабочие дома для бедных [68, с. 541–542]. Другим сюжетом, основывавшимся уже не на переводных статьях, была колониальная деятельность Голландии [11; 18; 38; 43; 47; 52; 53].

Редкие статьи были посвящены искусству и театру Голландии [2; 3; 70; 73], однако в данном случае они предлагают информацию, в большинстве своём отсутствующую или представленную неполно в публицистических сочинениях вне периодической печати. Голландская литература долгое время оставалась неведома русскому читателю («terra incognita» [55, с. 153]); впрочем, как и европейскому, о чем свидетельствует переводная статья «Об успехах голландской литературы» (из журнала *Revue Brit.*), напечатанная в журнале «Вестник Европы» и газете «Бабочка» в 1830–1831 гг.:

Стараясь знакомиться с Литературою других Европейских народов, мы, кажется, до сих пор не обращали внимания на Литературу Голландии, как будто язык и ум ее жителей не произвели ничего примечательного. Только и говорят, что об их пристрастии к торговле, к цветам, тогда как народ сей, брошенный, так сказать, среди волн, коего существование зависит, может быть, от целости каналов, имеет неоспоримое право на литературную славу [49, с. 259; 50, с. 62].

Схожее наблюдение высказал и Я. И. Сабуров: «Торговля и расчеты, с положительными выгодами, единственное занятие флегматических Голландцев, и они не постигают других наслаждений. Не мудрено, что Словесность их не в цветущем состоянии; поэтов почти нет. Об Архитектуре и Музыке не думают; Живопись только подражательная» [68, с. 531–532].

Современное положение голландской литературы было проанализировано в переводной статье «Об успехах Голландской литературы» в журнале «Благонамеренный»: в ней автор рассуждал о несостоятельности голландской литературы и образования [40]. В 1829 г. в переводной статье «Обозрение Голландской словесности» высказывалась надежда на рождение интереса к «литературе малоизвестной и потому уже любопытной» и изучению «языка благородного, богатого» [51, с. 113–114]. В России таким первопроходцем стал П. А. Корсаков, который в «очерке предмета малоизвестного в России», написанном по просьбе редакции журнала «Библиотека для чтения», восклицал:

Не странно ли, что в наш век, который открыл и прославил Бог весть какие литературы Европы и Азии, который учредил кафедры для индоостанской словесности и беспрестанно пишет о литовском языке, литература и язык Голландцев, их отличные историки, их превосходные поэты, братья трех великих живописцев-поэтов, ван Дейка, Рубенса, Рембрандта, как будто не существовали для образованного Европейца! Никто их не знает, никто даже об них не говорит! Литература народа, который недавно еще удивлял Европу своим духом

предприимчивости, мужеством, благоразумием, чувством изящного, гением, высокою или фантастическою поэзией в искусствах, эта литература — нынче terra incognita для образованного мира! Творения ума образцового народа Петра Великого не возбуждают даже нашего любопытства! [31, с. 49–50].

Именно с его именем связано истинное «знакомство» русского человека с голландской литературой и поэзией, в частности — с Иаковом Катсом, в котором он видел «украшение не только Голландской, но и Европейской литературы» [32, с. 2]. П. А. Корсаков, «один из наших почтенных соотечественников, обязанный Голландии лучшими воспоминаниями юности [55, с. 153]», в 1807–1810 гг. находился на службе при русской миссии в Голландии и успел прекрасно изучить голландский язык (впоследствии редакции журналов просили его перевести «драгоценную, но малоизвестную у нас» голландскую книгу [22, с. 1]). О голландском языке он отзывался как о «сильном, красноречивом и смелом» [31, с. 56], несмотря на распространенность мнения о нем как о наречии немецких рыбаков [36, с. 134–135] (что считалось причиной «неведения иностранцев о богатствах Голландской Литературы», хотя он обладает рядом собственных особенностей [52, с. 90–91]), которое он опровергал [31, с. 50–51].

В 1839 г. «Сын отечества» оценил труды П. А. Корсакова как «новую и богатую руду для литературных работ», отметив, что «любимый народ нашего Петра» был знаком им лишь в качестве моряков и торговцев:

Нас изумило, признаемся, богатство их умственной и литературной деятельности. <...> Как? в земле плотин и сыров, в земле каналов и сельдей — драма, лирика, эпопея? А мы не знали! Да, Мы. Г., что мы не знали, это еще ничего не доказывает. Мало ли мы чего не знаем! Беда наша, что и многое, что кажется нам известным, знаем мы весьма плохо, и есть такие закоулки ума человеческого, которые нам вовсе неизвестны! Вспомните о Востоке, о Португалии, о Провансе, Исландии, Дании, Швеции, Венгрии. По крайней мере, Голландия теперь для нас уже не terra incognita, и тем одолжены мы П. А. Корсакову. Надеемся, что он продолжит свои прекрасные, любопытные занятия [55, с. 153].

Его изыскания были также доброжелательно встречены кн. Анной Павловной, принцессой Оранской, о чем свидетельствует опубликованное в «Сыне отечества» письмо:

Вы приобрели себе право на мою признательность, занимаясь с толиким успехом литературою страны, столь справедливо нами именованной любимую страну Петра Великого, сочинение ваше может распространить в России желание познакомиться с Голландскими писателями, коих имена достойны быть известны Русским любителям похвального и изящного [33, с. 94].

В русской и переводной художественной литературе в 1830-е гг. Голландия также нередко привлекалась в качестве фона для повествования [6; 8; 15; 35], в т. ч. как место действия одной из фантастических повестей, примечательной в контексте идейного восприятия сочинений Жорж Санд в России, по сюжету которой «на земле, в Утрехте, остались одни женщины. Революция, в духе Г-жи Дюдеван, совершилась в одно мгновение и с неслыханною жестокостью.

На целом пространстве славного города Утрехта женщина была освобождена от власти мужчины» [74, с. 56].

Таким образом, в периодической печати рассматриваемого периода обнаруживается материал разностороннего характера, способный служить источником для изучения формирования стереотипов в отношении голландского национального характера. Суждения о нем основывались преимущественно на комплексе переводных статей аналитического свойства, а также на целом ряде травелогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин (Никитин Д. Е.): 1) Россия и Нидерланды. 400 лет: история российско-нидерландских религиозных связей. — СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), 2020. 300 с.; 2) Голландская духовная поэзия в России [Электронный ресурс]. — URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2013/7/gollandskaya-duhovnaya-poeziya-v-rossii.html> (дата обращения: 01.06.2022).
2. Амстердамский театр // Северный вестник. — 1804. — Ч. 1. — № 2.
3. Амстердамские театры // Библиотека для чтения. — 1838. — Т. 27. Февраль. — Отд. 7.
4. Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1806–1811 гг. — Т. 1. — 1911. — 512 с.
5. Барон Брамбеус (Сенковский О. И.). Большой выход у Сатаны // Новоселье. — 1833. — Ч. 1.
6. Берге Э. Первая сеledка / Пер. с франц. // Сын Отечества. — 1839. — Т. 11. Сентябрь и октябрь. — Отд. 2.
7. Бестужев Н. А. Записки о Голландии 1815 года // Соревнователь просвещения и благотворения. — 1821. — Ч. 15. — Кн. 1–3.
8. Бестужев-Марлинский А. А. Лейтенант Белозор // Сын Отечества и Северный архив. — 1831. — Т. 22 (СО Ч. 144, СА Ч. 58) и 23 (СО Ч. 145, СА Ч. 59). — №№ 35–42. — Отд. 1.
9. Великое российское посольство в Голландию, в 1637 году (Отрывок из книги: *Rusland en Nederlanden door I. Scheltema*) / Пер. с голл. А. Корнилович // Соревнователь просвещения и благотворения. — 1823. — Ч. 21. — Кн. 11.
10. Вольская Т. В., Перлина В. А. История музеефикации домика Петра Первого в Заандаме (Нидерландцы) // Современная наука: тенденции развития. — 2016. — № 15. — С. 8–13.
11. Воспоминания о Южной Африке / Пер. с франц. А. Ш. // Телескоп. — 1831. — Ч. 4. — № 16.
12. Выписка из путешествия Г. Стриковского // Северный вестник. — 1805. — Ч. 7. — № 7.
13. Гара Д.-Ж. О Голландии, торговле ее, характере и духе жителей / Пер. с франц. // Вестник Европы. — 1805. — Ч. 23. — № 19. Октябрь. — Отд. 9.
14. География и статистика // Сын Отечества. — 1839. — Т. 9. — Отд. 6.
15. Голландская опрятность // Библиотека для чтения. — 1835. — Т. 11. Август. — Отд. 7.
16. Голландцы в России в XVIII–XX вв. [Электронный ресурс]. — URL: <https://runivers.ru/doc/historical-journal/article/?JOURNAL=&ID=479375> (дата обращения: 06.03.2022).

17. Голландцы и бельгийцы в России, XVIII–XX вв. = Noord-en Zuid-Nederlanders in Rusland / Нидерланд.-Рос. арх. центр. (НРАЦ) — Гронинген; под ред. Эммануэля Вагеманса, Ханса ван Конингсбрюгге; пер. с нидерланд. Д. Сильвестрова. — СПб.: Алетейя, 2004. — 445 с.

18. Головин В. М. Замечания Русского о Мысе Доброй Надежды // Сын Отечества. — 1816. — Ч. 30. — № 21 и 23. — Отд. 1.

19. Греч Н. И. Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии. — СПб.: Издание П. И. Мартынова, 1847. — 592 с.

20. Дубянский А. Я. Записки военнопленного Российского Штаб-Офицера во время Голландской экспедиции 1799 года // Сын Отечества. — 1824. — Ч. 92. — №№ 9–14. — Отд. 1.

21. Загоскин М. Н. Путешественник // Соревнователь просвещения и благотворения. — 1820. — Ч. 10. — Кн. 6.

22. Известия Голландцев о начале в России флота и ботике Петра Великого (из книги: Rusland en Nederlanden door I. Scheltema) / Пер. с голл. П. А. Корсаков // Сын Отечества и Северный архив. — 1838. — Т. 5. Сентябрь и октябрь. — Отд. 6.

23. Известия о Лондоне / Пер. с нем. // Благонамеренный. — 1819. — Ч. 6. — № 7.

24. История Голландии в новейшие времена / Пер. С. Л. // Сын Отечества. — 1813. — Ч. 10. — № 48. — Отд. 2.

25. Исхаков С. М. Голландцы в России XVIII–XX вв. // Исторический вестник. — 2013. — Т. 5. — № 152. — С. 234–249.

26. Картина Голландии / Пер. с франц. // Московский телеграф. — 1825. — Ч. 1. — № 3.

27. Колосова И. В. Историческая память о России и Петре Великом в Нидерландах // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2007. — № 3 (55). — С. 81–84.

28. Корнилович А. Посольство в Россию 1615 года // Соревнователь просвещения и благотворения. — 1822. — Ч. 20. — Кн. 10; Сношения России с Голландией с 1650 по 1660 год (Отрывок из Опыта истории путешествий по России) // Там же. — 1823. — Ч. 23. — Кн. 7.

29. [Корнилович А. О.] Посольство голландцев Альберта Бурга и Иоанна Фан Фельдтриля в 1630 году (отрывок из Опыта Истории путешествий в России) // Соревнователь просвещения и благотворения. — 1823. — Ч. 23. — Кн. 1

30. Корсаков Н. А. Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н. А. Корсакова в 1839 году. — М.: Тип. Н. Эрнста, 1844. — 112 с.

31. Корсаков П. А. Голландская литература; ее начало, ход и нынешнее состояние // Библиотека для чтения. — 1838. — Т. 27. — Отд. 2.

32. Корсаков П. А. Иаков Катс. Поэт-мыслитель и муж совета // Сын Отечества. — 1839. — Т. 8. — Отд. 3.

33. Литературные известия // Сын Отечества и Северный архив. — 1838. — Т. 6. Ноябрь и декабрь. — Отд. 6.

34. Любитель словесности // Соревнователь просвещения и благотворения. — 1820. — Ч. 9. — Кн. 3.

35. М-ва А. Голландская скука // Библиотека для чтения. — 1834. — Т. 7. — Отд. 2.

36. Меркель. Нынешняя литература Западной Европы / Пер. с нем. // Сын Отечества. — 1814. — Ч. 18. — № 49. — Отд. 2.

37. Мещерский А. П. Записки русского путешественника: Голландия, Бельгия и Нижний Рейн. — М.: Унив. тип., 1842. — 425 с.

38. Михайлов В. О могущей быть пользе от колоний // Сын Отечества и Северный архив. — 1832. — Т. 31. — СО Ч. 153, СА Ч. 67. — № 43. — Отд. 3.
39. Михайлова И. М.: 1) Голландия есть плоская страна? Образ Нидерландов в русских переводах нидерландской поэзии // Скандинавская филология. — 2007. — № 9. — С. 175–186; 2) «Туманные» образы Голландии в русских переводах нидерландской поэзии / И. М. Михайлова // Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре: сб. науч. ст. — СПб., 2013. — С. 273–278.
40. Н. Выдержки из дорожных воспоминаний // Телескоп. — 1836. — Ч. 31.
41. Нечто о Голландской литературе и известных нынешних писателях / Пер. с нем. В. Половцов // Благонамеренный. — 1824. — Ч. 26. — № 9.
42. Нидерланды и Северная Россия = The Netherlands and Northern Russia: [сборник научных статей] / Российская академия наук, Русское географическое общество, Архангельский центр, Гронингенский университет, Арктический центр, Генеральное консульство Королевства Нидерланды в Санкт-Петербурге; под ред. Ю. Н. Беспятовых, Я. В. Велувенкампа, Л. Д. Поповой. — СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2003. — 407 с.
43. Новая Гвинея и Нидерландские колонии в сей земле (из Asiatic Journal) // Сын Отечества и Северный архив. — 1838. — Т. 2. Март и апрель. — Отд. 5.
44. Новые книги: 1821 // Сын Отечества. — 1821. — Ч. 74. — № 48. — Отд. 3.
45. О Голландской торговле (из Архенгольцевой Минервы) / Пер. с нем. // Вестник Европы. — 1810. — Ч. 54. — № 23. Декабрь. — Отд. 5.
46. О Голландцах в отношении любви к отечеству / Пер. с франц. А. де Роберти // Благонамеренный. — 1826. — Ч. 33 (34). — № 7.
47. О Мысе Доброй Надежды // Северный архив. — 1825. — Ч. 18. — № 21.
48. О продолжении Журнала: Северный Архив // Благонамеренный. — 1822. — Ч. 20. — № 43.
49. Об успехах Голландской литературы / Пер. с франц. Д. // Бабочка. — 1831, 4 марта. — № 17.
50. Об успехах литературы Голландской / Пер. с англ. В. // Вестник Европы. — 1830. — Апрель. — № 8.
51. Обзорение Голландской Словесности / Пер. с франц. Д. // Московский телеграф. — 1826. — Ч. 9. — № 10.
52. Описание Кяхты / Пер. А. М. // Сын Отечества. — 1816. — Ч. 33. — № 42. — Отд. 1.
53. Остров Ява // Атений. — 1829. — Ч. 3. — Сентябрь.
54. Орывок из рассказов одного путешественника: Соч. Вашингтона Ирвинга / Пер. с англ. С. В-н // Сын Отечества. — 1825. — Ч. 102. — № 15. — Отд. 1.
55. Очерк Русской литературы за 1838 и 1839-й годы // Сын Отечества. — 1839. — Т. 10. — Июль и август. — Отд. 4.
56. Первое посольство русских в Голландию при царе Алексее Михайловиче (из Схельтемы) / Пер. с голл. А. Корнилович // Соревнователь просвещения и благотворения. — 1824. — Ч. 25. — Кн. 1.
57. Первый опыт кораблестроения в России (из Схельтема: Rusland en Nederlanden beschouwd in derzelver vederkerige Betrekkingen) / Пер. с голл. А. Корнилович // Сын Отечества. — 1822. — Ч. 80. — № 39. — Отд. 1.
58. Петр Первый в Заандаме / Пер. с голл. А. Корнилович // Сын Отечества. — 1822. — Ч. 82. — № 47. — Отд. 1.
59. Письмо из Милана о Франции, от 16 ноября 1804 года / Пер. с польского В. Г. Анастасевич // Журнал российской словесности. — 1805. — Ч. 3. — № 10.

60. Полевой Н. А. Сохатый // Денница, альманах на 1830. — 1830.
61. Правдин А. О железных и торцевых дорогах в России // Сын Отечества и Северный архив. — 1838. — Т. 1. — Отд. 3.
62. Происхождение, возрастание и упадок Голландской торговли (из *Edinburgh Review*) / Пер. с англ. // Телескоп. — 1831. — Ч. 1. — №№ 2–3.
63. Путешествия / Пер. с франц. // Благонамеренный. — 1824. — Ч. 27. № 14.
64. Россия — Голландия: Книжные связи XV–XX вв.: сб. ст. / Санкт-Петербургский фил. Архива Российской Акад. наук; сост. и науч. ред. Н. П. Копанева. — СПб.: Европейский Дом, 2000. — 367 с.
65. Россия и Голландия: пространство взаимодействия. XVI — первая треть XIX века / М-во культуры Российской Федерации, Гос. ист. музей, Музей Зюйдерзее, Энкхёйзен; [отв. ред.: В. Э. Булатов, Е. Г. Горохова, Л. Л. Савченкова]. — М.: Кучково поле, 2013. — 441 с.
66. Русские книги // Сын Отечества. — 1837. — Ч. 183. — № 3. — Отд. 3.
67. С***. Отрывки из Дневника Русского странствователя по Англии и Голландии, в 1816 году // Сын Отечества и Северный архив. — 1831. — Т. 21 (СО Ч. 145, СА 57). — №№ 27 и 29. — Отд. 3.
68. Сабуров Я. И. Амстердам. Отрывок из Путешествия Русского по Голландии в 1828 // Московский телеграф. — 1834. — Ч. 55. — № 4. Февраль.
69. Свинын П. П. Переезд мой из Франции в Англию // Сын Отечества. — 1814. — Ч. 17. №№ 41–42. — Отд. 2.
70. Состояние изящных искусств в Нидерландах // Невский зритель. — 1821. — Ч. 5. — Кн. 3. — № 1.
71. Состояние общества в Северной Америке, сочинение мисс Гарриеты Мартино (*Society in America*) / Пер. с англ. // Библиотека для чтения. — 1838. — Т. 30. — Отд. 3.
72. Сухова Н. Ю. Полвека служения Русской православной придворной церкви в Гааге (1816–1866) // Христианское чтение. — 2015. — № 6. С. — 127–149.
73. Тимофеев А. В. Письмо к редактору из Амстердама // Сын Отечества и Северный архив. — 1835. — Т. 51. — № 36 (СО Ч. 173, СА Ч. 87). — Отд. 2.
74. Тимофеев А. В. Утрехтские происшествия 1834 года // Библиотека для чтения. — 1835. — Т. 12. — Отд. 1.
75. Тюльпаны на равнине под высокими небесами [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.svoboda.org/a/416212.html> (дата обращения: 23.01.2022).
76. [Федоров Б. М.] Питер-Бас // Сын Отечества. — 1839. — Т. 7. Январь и февраль. — Отд. 1.
77. Шатохина-Мордвинцева Г. А. Отечественная историография Нидерландов. Этапы развития // Новая и новейшая история. — 2015. — № 5. — С. 166–178.